

11. Титовская А. В. Электронное тайное голосование в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука. 2012. № 4.
12. Антонов Я. В. Развитие правового регулирования электронного голосования в России // Управленческое консультирование. 2015. № 5.
13. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве : Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ // Российская газета. 2020. № 110.
14. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва : закон г. Москвы от 22.05.2019 № 18 // Ведомости Московской городской Думы. 2019. № 6 (307).
15. Матренина К. Ю. Принцип тайного голосования при использовании современных информационных технологий // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3.
16. Эксперты о блокчейне и электронном голосовании // Интернет портал ICT Moscow. URL: <https://ict.moscow/news/blockchain-moscow>.
17. Апелляционное определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 6 августа 2019 г. № 5-АПА19-93 // Консультант Плюс.
18. Заколдаев Д. А., Ямщиков Р. В., Ямщикова Н. В. Технология блокчейн в России: достижения и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2.
19. Ярыгин Г. О. Интернет-голосование и перспективы его внедрения для граждан России, находящихся за рубежом // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. № 3 (6).
20. Приоритеты деятельности ЦИК России (четыре интервью с Эллой Памфиловой) // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14).

УДК 347:349.2

ББК 67.405.02

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ*

М. А. Стародубцева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Приоритетная задача государства и образования как социального института направленной трансляции ценностей гражданского общества в молодежную среду — развитие каждого молодого человека не только как высококвалифицированного профессионала, но и как гражданина. Проблема организации противодействия террористической деятельности и иным деструктивным явлениям в образовательных организациях сегодня представляется как никогда актуальной. Но на современном этапе развития политической и социально-психологической жизни нашего общества фактически нет популяризации технологий, которые дадут инструментарий тому, кто является носителем общественных и государственных ценностей (официальный представитель власти, журналист, учитель, преподаватель), и которые, собственно, и будут работать на формирование социальных установок, культивируемых обществом и государством как позитивные. Зачастую тот, на кого возлагаются государством и обществом функции формирования ценностных ориентаций, просто не знает, как именно он должен воздействовать на представителей молодежи. Для того, чтобы государство и общество

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы поддержки научно-педагогических работников Алтайского государственного университета, проект «Организационно-правовые меры профилактики идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий в сфере образования».

могло противостоять тем негативным влияниям, которые в настоящее время все более и более агрессивно воздействуют на молодежь, необходимо разрабатывать технологии воздействия, ориентированные на убеждающий эффект, понимать, что именно и на каких этапах становления личности можно формировать и культивировать как интегрированную общечеловеческую и личностную ценность.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; контрпропаганда; гражданско-патриотическая работа; воспитательная деятельность; убеждающий эффект; смысловые установки.

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF ANTI-TERRORIST IDEOLOGY IN THE YOUTH ENVIRONMENT

M. A. Starodubtseva

Altai State University (Barnaul, Russia)

The priority task of the state and education as a social institution of directed transmission of the values of civil society to the youth environment is the development of each young person not only as a highly qualified professional, but also as a citizen. The problem of organizing counteraction to terrorist activities and other destructive phenomena in educational institutions today seems more relevant than ever. But at the present stage of development of the political and socio-psychological life of our society, there is actually no popularization of technologies that will give tools to those who are the bearers of social and state values (official representative of the authorities, journalist, teacher, lecturer), and which, in fact, will work on the formation of social attitudes cultivated by society and the state as positive. Often, those who are entrusted by the state and society with the functions of forming value orientations simply do not know how exactly they should influence young people. In order for the state and society to be able to resist the negative influences that are now more and more aggressively affecting young people, it is necessary to develop impact technologies focused on a persuasive effect, to understand what exactly and at what stages of personality development can be formed and cultivated. as an integrated universal and personal value.

Keywords: terrorism; extremism; counter-propaganda; civic-patriotic work; educational activity; persuasive effect; semantic settings.

DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2022\)2.8](https://doi.org/10.14258/ralj(2022)2.8)

По нашему мнению, распространение преступлений террористической направленности нельзя объяснять исключительно «объективными причинами» (политическими, социальными, психологическими). Нередко мы можем наблюдать прецессию средств массовой информации в отношении террористического насилия. Именно поэтому терроризм порождается не страстью, а материалами, несущими его идеологию через средства массовой информации. Мало ввести институт цензуры, необходимо формирование не менее яркой и четкой ответной антитеррористической идеологии. Идеологии нового типа, основанной не на теоретическом учении, а на клиповых образах. Новый терроризм в цифровой сфере подпитывается идеалами массовой культуры, и только с их помощью, на наш взгляд, возможно ведение целостной контрпропаганды [1, с. 115].

Культ силы, пропагандируемый масс-медиа, спровоцировал стихийное социальное заражение, ответом на которое стал всплеск насильственных деяний террористического характера. Гибридное противостояние государств, неконтролируемая, а зачастую и поощряемая ими террористическая активность в цифровой сфере породили агрессивный идеал героя нашего времени, и для борьбы с этой триадой требуется прочная идеологическая основа в антитеррористической сфере, создаваемая совместными усилиями государства и институтов гражданского общества.

Степень воздействия СМИ и интернета на личность и ее мировоззрение, ценности и идеи достаточно сильна, особенно в молодежной среде. Существуют целые технологии такого манипулирования сознанием человека, но чем больше мы будем говорить об этом и демонстрировать аудитории способы противостояния потоку целенаправленной информации, тем слабее будет эффект воздействия этих приемов на нас и тем эффективнее мы сможем от нее защищаться [1, 2].

С. Кара-Мурза рассматривает средства массовой информации так: «СМИ сегодня есть инструмент идеологии, а не информации. Главное в их сообщениях — идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой». Он предлагает такой прием психологической защиты от пропагандистского «промывания мозгов», как сознательное прерывание контактов с источником информации. Например, достаточно время от времени прекращать смотреть телевизор на одну-две недели, чтобы произошло «восстановление» сознания. С. Кара-Мурза приводит пример множества технологий воздействия СМИ на аудиторию [2, с. 88]:

1) анонимный авторитет — излюбленный прием введения в заблуждение, активно используемый всеми СМИ. Он относится к «серой» пропаганде. Одним из самых эффективных методов влияния является обращение к авторитету, который может быть религиозным, это может быть весомая политическая фигура, деятель науки;

2) «будничный рассказ», или «обыденный» рассказ используется, например, для адаптации человека к информации явно негативного, вызывающего отрицание, содержания. Через несколько недель такой обработки население перестает реагировать на самые чудовищные преступления и массовые убийства, творящиеся в обществе. Наступает психологический эффект привыкания;

3) забалтывание — метод используется, когда необходимо снизить актуальность или вызвать негативную реакцию к какому-либо явлению. Этот метод нередко применяется для создания «информационного шума», когда нужно скрыть какое-то важное событие или главную проблему;

4) эмоциональный резонанс. Данную технику определяют как способ создания у широкой аудитории определенного настроения с одновременной передачей пропагандистской информации. Эмоциональный резонанс позволяет снять психологическую защиту, которую на мыслительном уровне выстраивает человек, сознательно пытаясь оградиться от пропагандистского или рекламного «промывания мозгов»;

5) эффект бумеранга — это те грабли, на которые регулярно наступают обладающие властью, и не только, группировки. Организовывая тотальную травлю своего оппонента, они «забывают» его до такой степени, что в итоге он начинает вызывать жалость и симпатию у широкой аудитории;

6) эффект ореола базируется на коварном психологическом свойстве — человеческой склонности мыслить «ложными аналогиями». Он состоит из двух распространенных стереотипов-заблуждений: 1) «рядом — значит вместе». Вследствие этого феномена нахождение рядом со знаменитым или высокопоставленным человеком несколько повышает статус в глазах окружающих; 2) человека, добившегося весомых успехов в какой-то конкретной области, окружающие считают способным на большее и в других делах. Эта нехитрая мысль всячески замалчивается теми СМИ, которые устраивают пропагандистскую истерию в честь очередного «спасителя отечества»;

7) эффект первичности — человек, сказавший миру первое слово, всегда прав. Здесь срабатывает один из эффектов восприятия: мы склонны отдавать предпочтение той информации, что поступила первой. Изменить уже сформировавшееся мнение очень трудно;

8) информационная блокада всегда тесно связана с информационным доминированием. Это две стороны одной медали. К ним прибегают как в случае военных действий, так и в мирное время.

Г. Г. Почепцов на примере войны в Чечне классифицирует блокирующий контроль информационного пространства следующим образом [3, с. 12]:

1) контроль вербальных обозначений. Примером служат такие обтекаемые фразы, как «ковровые/точечные бомбометания», «зачистка территории» и т. п., которые убирают из сознания смертоносный характер;

2) контроль визуальной картинки, в соответствии с которым на телеэкране отсутствуют изображения раненых и убитых, потеря техники со стороны федеральных войск;

3) контроль единства интерпретации событий.

Если мы обратимся к отображению в СМИ ведущейся сейчас специальной военной операции на территории ЛДНР, то увидим, что информационное восприятие боевых действий населением выстраивается с помощью указанных приемов. В интернете аналогичными приемами информационного влияния пользуются сайты и телеграмм-каналы, распространяющие пропагандистские установки с территории Украины.

Но методы контрпропаганды в виртуальном пространстве должны качественно отличаться от информационного щита СМИ.

Контрпропагандистская деятельность в интернете может осуществляться по двум главным направлениям: ограничение доступа к определенным материалам и создание многочисленных контролируемых специалистами сайтов, публикация на их страницах контрматериалов или опровержение существующих [4, 5].

Ограничительное (разрушительное) направление деятельности в интернете может осуществляться следующим путем:

- запрета доступа конкретным лицам или конкретным компьютерам в интернет в целом;
- сокрытие результатов поиска в поисковой системе;
- запрета доступа к веб-сайтам с определенными, заранее известными адресами, где размещены нежелательные материалы;
- усложнением доступа к определенной информации (принудительное снижение скорости соединения для предотвращения скачивания и получения материалов).

Созидательное направление контрпропаганды терроризма в интернете заключается в публикации различных материалов в глобальном пространстве. Это могут быть записи в блогах, форумах и чатах, комментарии к статьям и постам других людей на информационных сайтах и в социальных сетях. Это может быть создание собственного сайта или активное присутствие на чьих-то других. Оба указанных направления сегодня реализуются, но, на наш взгляд, хаотично и бессистемно.

В условиях открытой гибридно-информационной войны и разгорающихся локальных военных конфликтов необходим пересмотр проблемы формирования антитеррористической идеологии [6, с. 68].

Существенным достижением в этой области является разработка системы противодействия идеологии терроризма в РФ, в которой непосредственно определены цель, принципы, задачи и методы их реализации по формированию антитеррористической идеологии.

Однако на современном этапе развития политической и социально-психологической жизни нашего общества фактически нет популяризации технологий, которые дадут инструментарий тому, кто является носителем общественных и государственных ценностей (официальный представитель власти, журналист, учитель, преподаватель). Зачастую тот, на кого возлагаются государством и обществом функции формирования ценностных ориентаций, просто не знает, как именно он должен воздействовать на представителей молодежи, чтобы помочь им преодолеть стереотипные оценки террористических угроз, ущербные ценности различных молодежных субкультур, далеко не всегда приемлемые идеалы, навязываемые СМИ [7]. Для того, чтобы государство и общество могли противостоять тем негативным влияниям, которые в настоящее время все более и более агрессивно воздействуют на подростков и юношей, необходимо разрабатывать технологии воздействия, ориентированные на убеждающий эффект. В мировой и отечественной практике известны такие технологии (например, эмоциональный резонанс, социальная индукция, фиксация на авторитетах и т. д.). Они зарекомендовали себя как результативные в плане формирования ценностно-смысловых ориентаций подрастающего поколения. Это позитивный педагогический и психотерапевтический опыт, опыт работы ряда общественных организаций и профессиональных сообществ и, к сожалению, это зачастую опыт тех, кто распространяет идеи расовой нетерпимости, установки катастрофизации, формирует «ореол героя» вокруг участников террористических актов [8, с. 25].

Смысловая сфера в юношеском возрасте характеризуется процессами формирования мировоззрения и активной воли, собственных смыслов и личных ценностей, становлением системы смысловой регуляции, характерной для зрелой автономной личности. Это означает, что к 16–17 годам личность выходит на уровень смысловой саморегуляции, основу которой составляет возможность охвата мира в целом в представлении человека — у нее появляется свое собственное, независимое мнение, стремление самостоятельно принимать жизненно важные решения и нести ответственность за их осуществление; в ее сознании выкристаллизовываются и иерархизируются смысловые ценности [9, с. 20]

Чтобы перевести убеждающую информацию, являющуюся пока ценностью лишь для транслятора государственных и общественных ценностей, в личностно значимую и для молодого человека, последнему необходимо показать, что основанные на этой информации действия и поступки не только не станут противоречить его ценностным ориентациям, но и будут способствовать удовлетворению его определенных потребностей и соответствовать его ценностным ожиданиям.

В процессе использования технологий убеждающих воздействий происходит нивелирование отчуждения личности молодого человека от постигаемого содержания. Этот результат может быть достигнут в процессе направленного воздействия со стороны транслятора, использующего ценностно-смысловые затруднения в качестве задач на выявление смысла или задач на различение смыслов как преодоление ценностно-смысловых барьеров, без решения которых каждый человек начинает ощущать конфликтность или двойственность ситуации.

В ходе решения «задачи на смысл», преодоления ценностно-смысловых барьеров и формирования позитивного ожидания в принятии осваиваемого содержания происходит внутренняя работа личности по соотносению проявлений мотива в нескольких пересекающихся друг с другом плоскостях:

- 1) в отношении мотива к преодолеваемым личностью ради его достижения внешним и внутренним преградам;
- 2) по сопоставлению мотива с другими выступающими в сознании субъекта возможными мотивами той же деятельности;
- 3) оцениванию мотива в его отношении к принятым личностью нормам и идеалам;
- 4) соотносению мотива с ее реальными, с точки зрения личности, возможностями, т. е. с воспринимаемым образом Я;
- 5) сравнению собственного мотива с предполагаемыми мотивами других субъектов.

В качестве технологий направленного воздействия убеждающего характера могут быть выделены следующие технологии:

- прямое воздействие на ценностно-смысловую сферу личности;
- использование идентичности с целью формирования заданного отношения к конкретному объекту;
- использование стимульной (в частности, соревновательной) мотивации как фактора формирования определенных смыслов через конвенцию [10, с. 82].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц. Смысловые коммуникации в учебном процессе: теория и технология направленной трансляции смыслов в обучении. Нальчик, 2008. С. 112–144.
2. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета : учебник / под ред. И. В. Абакумовой, П. Н. Ермакова. М., 2013. С. 85–92.
3. Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц. Смыслообразование как фактор инициации ценностно-смысловых установок в процессе формирования антиэкстремистской идеологии // Психология в вузе : научно-методический журнал. 2011. № 5. С. 10–23.
4. Абазов К. М. Проблема использования современных информационно-коммуникационных технологий международными террористическими организациями // Вопросы безопасности. 2018. № 3. С. 1–9.
5. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Преступность террористического характера и экстремистской направленности в РФ: состояние и тенденции правового регулирования // Российский судья. 2018. № 8. С. 18–23.
6. Баева И. А. Психология безопасности: история, становление, перспективы // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 65–69.
7. Каракозов Р. Р. Организация смыслопоисковой активности человека как условие осмысления жизненного опыта // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М., 1997.
8. Кравцова А. В. Участие СМИ в становлении личности безопасного типа поведения // Обеспечение безопасности жизни. 2006. № 12. С. 24–28.
9. Ключко В. Е. Системная детерминация мыслительной деятельности на стадии ее инициации // Сибирский психологический журнал. 1997. Вып. 5. С. 19–26.
10. Обрывко Е. И., Стародубцева М. А., Саенко А. А. О некоторых аспектах повышения правовой культуры в вопросах профилактики экстремизма и идеологии терроризма в образовательной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11. С. 81–84.